1971 г.

4 2 7

МРТУ 19 № 183--65

4

1

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—548

РОМАН СЕФ

Командую флотом!

Художник В. Бескаравайный

В 1905 году народ России восстал против царя. Царь издал манифест, в котором обещал всем гражданам страны свободу.

В Севастополе люди в то время часто собирались на улицах, обсуждали манифест и спорили. Больше всего в городе было моряков и рабочих. Они стояли за революцию, часть моряков даже отказалась подчиняться офицерам.

Сразу после того, как царь издал манифест, огромная толпа пошла к тюрьме – освобождать революционеров. Каждый думал: царь обещал свободу, а революционеры за неё боролись, значит, их теперь освободят.

Но вышло не так. Возле тюрьмы демонстрацию встретили солдаты, они подняли винтовки и выстрелили.

Люди поняли, что царь их обманул. Лучшие люди Севастополя в молчании пошли три дня спустя проводить в последний путь тех, кто погиб у тюрьмы.

На кладбище человек в морской фуражке вышел вперёд, остановился перед могилами и сказал: „Клянёмся погибшим, что всю свою работу отдадим на благо рабочего неимущего люда". – И вся толпа вздохнула: „Клянёмся". – Человек этот был Пётр Петрович Шмидт.

Вечером в тот же день его арестовали.

Матросы и рабочие Севастополя любили Шмидта за мужество и справедливость. Они избрали его пожизненным депутатом в Совет. И когда Шмидта арестовали, представители матросов и рабочих пошли к адмиралу Чухнину и потребовали немедленно освободить Петра Петровича. Пришлось адмиралу Чухнину отпустить Шмидта из-под ареста.

Шмидт был уволен из флота, но слух о его храбром поступке разнёсся по всем кораблям. Поэтому моряки торгового флота попросили его быть у них в Одессе главным во время забастовки. Шмидт согласился и стал собираться в Одессу.

– Женя, – крикнул он сыну, – неси свои вещи! – Сын принёс стопку учебников. Поверх учебников в чемодан лёг морской китель с золотыми пуговицами.

Неожиданно в передней зазвонил колокольчик. В комнату вошли матросы.

Комендор Антоненко сказал: „Пётр Петрович, завтра начнётся обстрел тех судов севастопольской эскадры, где матросы восстали и отказались повиноваться офицерам. Мы просим вас, поезжайте с нами на „Очаков“, будьте нашим командиром. Может быть, вся эскадра к нам присоединится“.

– „Но ведь „Очаков“ – крейсер безбронный, – сказал Шмидт, – на нём почти брони нет. Если начнётся обстрел – то нам всем верная смерть“. – „Это так“, – подтвердил Антоненко. – „Я остаюсь в Севастополе“, – сказал Шмидт.

Наступило утро следующего дня. Оно было ясное и прозрачное. Вахтенный на крейсере „Гридень“, шевеля губами, читал сигнал, который только что подняли на „Очакове“. – „Командую флотом!“ – прочёл сигнальщик.

Он закричал: „Ребята, скорей! Смотрите!"– Матросы собрались на палубе и увидели, как развевается над крейсером „Очаков" красный флаг. Лейтенант Шмидт встал во главе революционной эскадры.

На миноносце „Свирепый“ Шмидт объехал восставшие суда.

Он прибыл с друзьями на учебное судно „Прут". „Прут" был плавучей тюрьмой. В ней содержались под арестом матросы с легендарного броненосца „Потёмкин". Шмидт потребовал, чтобы их освободили.

Офицеры отказались это сделать. Тогда Шмидт сказал: „Можете стрелять в меня, но я освобожу потёмкинцев“. – Команда „Прута“ бросилась на офицеров, связала их и освободила арестованных.

С музыкой матросов-потёмкинцев отвезли в морские казармы, а потом на „Очаков“.

Из Санкт-Петербурга последовал немедленный приказ: „Подавить восстание, а зачинщиков схватить“.-Приказ был послан командующему Черноморским флотом адмиралу Чухнину.

–Я вас вызвал сюда совершенно секретно,–сказал адмирал капитану канонерской лодки „Терец“.–Пока мятеж не охватил всю эскадру, надо действовать. Завтра ваш корабль должен произвести первый выстрел по бунтовщикам!

Канонерская лодка „Терец“ на следующее утро выстрелила первой. Снаряд попал в маленький катер, команда которого примкнула к восставшим.

Люди, стоявшие на набережной, засуетились. Все поняли, что начался обстрел восставших судов.

Вспыхнули белые облачка над орудиями броненосца „Ростислав“. Заговорили пушки береговой крепости.

Толпа на набережной прибывала. Мальчишка-гимназист подпрыгивал, всё пытаясь хоть одним глазком увидеть, что же происходит. Наконец он взобрался на парапет и, довольный, смотрел оттуда.

– „Крейсер „Гридень" горит, – сказал мальчишка-гимназист и добавил: – Всё больше по „Очакову" бьют". – „Отобьются", – сказал старичок в картузе. – „Нет, – сказал подошедший матрос. – Силы неравные".

– Шлюпки спускают! – крикнул кто-то. – „Очаков“ загорелся.

И правда, крейсер „Очаков“ горел. Пётр Петрович Шмидт находился на корабле до последней минуты.

Потом бросился в воду.

Его подобрала шлюпка и отвезла на броненосец „Ростислав". Опять под арест.

Допрашивал Шмидта следователь по особо важным делам. — „Сознайтесь, что вы преступник. Вас помилуют“, — уговаривал он Шмидта. — „Преступник — вы, — ответил Шмидт, — это вы выступаете против народа, а не я“.

Через несколько месяцев состоялся суд над лейтенантом Шмидтом и его товарищами. Петра Петровича Шмидта приговорили к расстрелу.

К нему в камеру пришёл попрощаться сын Женя. — „Ты мой честный друг, — сказал отец сыну, — продолжай служить делу, от которого меня отрывает казнь“. — Через несколько дней Шмидта расстреляли.

Пётр Петрович Шмидт погиб, но народ бережно хранит благодарную память о нём.

Когда боевые корабли в Ленинграде проходят парадом в большие праздники, они минуют мост лейтенанта Шмидта. Такие замечательные люди всегда были, есть и будут жить на земле.

Конец

Редактор Н. Мартынова
Художественный редактор А. Морозов

Студия „Диафильм", 1970 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Д-176-70
Цветной 0-30